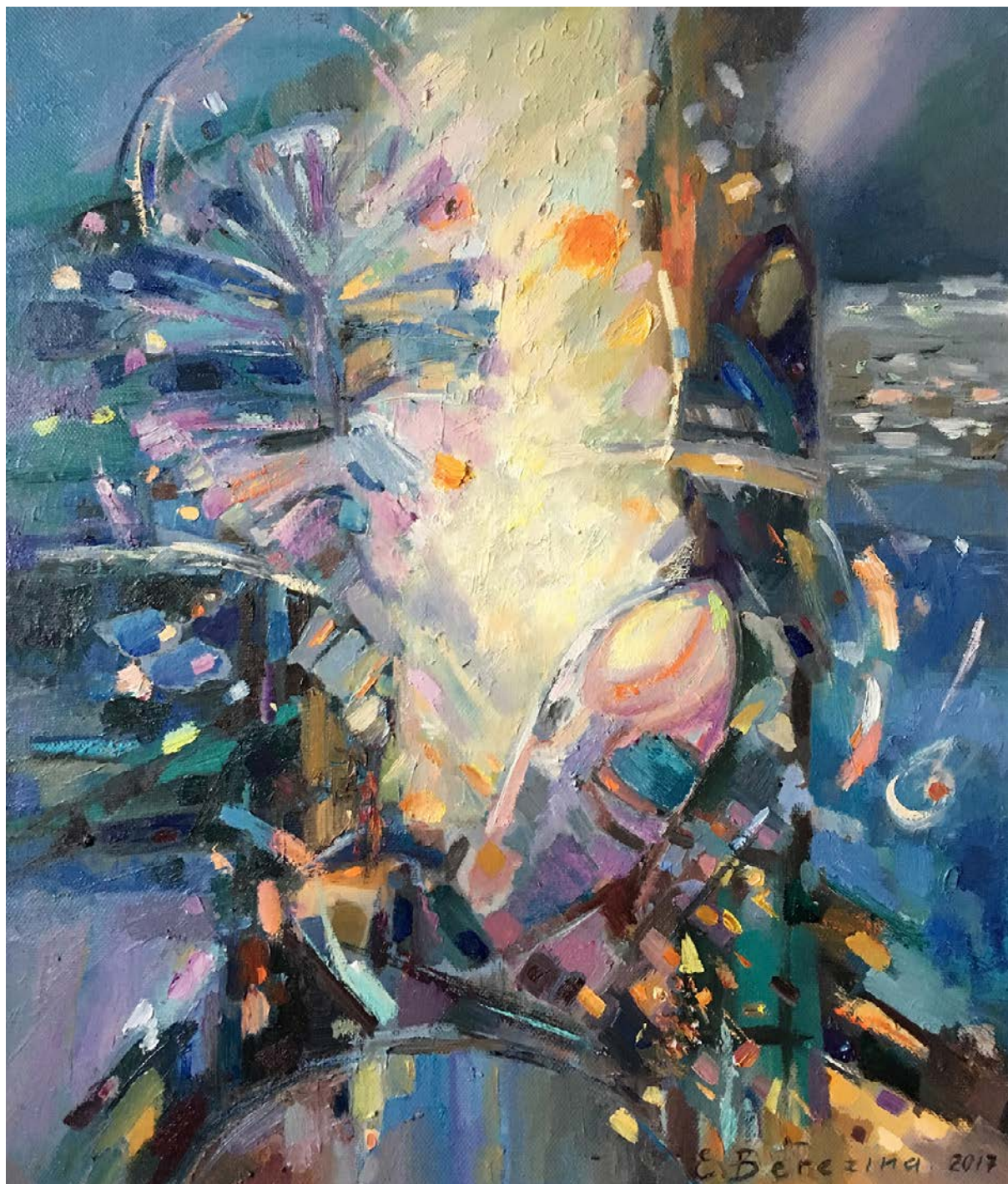

Затянувшаяся зависть – долг жизни вместо благодарности

**Жислен Спикёр
(Ghislaine Szpeker)**

- Клинический психолог, психоаналитик
- Университет Сорбонна (Париж)
- Почетный член ЕАРПП
- Ведущий консультант Медико-педагогического центра психического здоровья в Париже

Зависть проистекает из страха
потерять не то, чем мы дорожим,
а то, от чего зависит наше
выживание.

Прямо сейчас Международная космическая станция вращается вокруг Земли со скоростью 28 000 км/час. На её борту находятся 3 российских космонавта, 3 американских и 1 астронавт из Европы. Они совершают оборот вокруг Земли за 90 минут, при этом выживание каждого зависит от одной и той же матрицы. Эта матрица не принадлежит никому конкретно, но служит всем. Как ни парадоксально, но именно это место сегодня показалось мне символом безопасности: пространство, в котором зависть, ревность и жадность уступили место братству, вдалеке от земных потрясений и человеческих влечений.

Главный вопрос, который, как мне кажется, объединяет нас сегодня – это вопрос символической сепарации, разрыва с нашими первичными объектами привязанности, нашими «прародителями». Я имею в виду значение слова «прародители» как в прямом, так и в переносном смысле. Речь идет об интериоризации, об активном движении к присвоению, к легитимности, к эмоциональной пище – знаниям, наследию; движение, которое парадоксальным образом угрожает иссушить питающий нас источник.

Подразумевает ли изначально слово «взять» лишение? И если это так, то в таком случае как взять, чтобы не оказаться в долгу? Это сложное уравнение. Нужно ли заслуживать жизнь, которая нам подарена? Можем ли мы чувствовать себя вправе получить этот дар, а не быть в долгу за радости жизни? Разве Дед Мороз не должен раздавать подарки всем детям, даже непослушным? Если это так, будут ли дети чувствовать, что имеют право радоваться этим подаркам?

Долг противодействует стремлению сепарироваться от первичного объекта, так как порождает очень активную бессознательную вину, которая во взрослой жизни будет проецироваться на все эмоциональные отношения. Если в детстве случилось «жертвоприношение», тогда этот долг невозможно будет вернуть, выплатить. Священное, связанное с долгом «жертвоприношение» порождает в отношениях аффилиации враждебность, которая в свою очередь возникает из необходимости брать и из страха разрушить. Эта враждебность возникает из несоответствия между бессознательным содержанием, вложенным в то, что мы получаем, и которое затем пассивно интроецируется, и тем, что объект ожидает получить взамен. Контур этого ожидания, так же как включаемые этим элементы нарциссической репарации, которые формируют Идеал Я, отчасти будут способствовать формированию самооценки, то есть того, что мы, по нашему мнению, заслуживаем.

Если ребенок остаётся в долгу (как и анализанд, несмотря на оплату сеанса), то путь к относительной независимости преграждается аффектами стыда – неспособностью соответствовать полученному, виной за опустошение материнской груди, за уничтожение объекта и невозможность его восстановить. (Другой бы лучше знал, как поступить с таким прекрасным подарком!). В более широком смысле, идея о том, что субъект не смог создать хороший объект, будь то хорошая мать или хороший анализанд, невротически структурирует будущие модели отношений.

Человеческая природа потенциально зависима, поскольку изначально ничем не обладает. Как потребовать то, что нам причитается? Жизнь – это дар? Как мы можем узнать себя в зеркале Другого (матери)? Это парадокс, который нас определяет.

Интериоризация внутриутробной безопасности, обусловленная также качеством раннего окружения младенца, структурирует динамику влечений. Отголоски этой интериоризации угрожают проявиться на протяжении всей жизни. Будь то фантазм, перенос или объектные отношения, эта архаичная динамика влечений угрожает подорвать эдипальное решение подчиниться компромиссам, связанное с разделением объекта фантазмом.

Зависть проистекает из страха потерять не то, чем мы дорожим, а то, от чего зависит наше выживание. Чувство абсолютной зависимости от объекта, невозможности сепарации без разрушения объекта затем будет воспроизводиться в любых эмоциональных

Главный вопрос, который, как мне кажется, объединяет нас сегодня – это вопрос символической сепарации, разрыва с нашими первичными объектами привязанности, нашими «прародителями».

Долг противодействует стремлению сепарироваться от первичного объекта, так как порождает очень активную бессознательную вину, которая во взрослой жизни будет проецироваться на все эмоциональные отношения.

отношениях. Этот страх, возникший у субъекта на ранних стадиях неудачного материнства, из-за низкого качества первичной материнской заботы, впоследствии становится угрожающим в любых эмоциональных отношениях, поскольку хороший объект в любой момент может исчезнуть или, другими словами, важная часть Я в любой момент может отделиться, оторваться.

На какой канве субъект будет вышивать, чтобы осмыслить эту тревогу, происхождение которой уже невозможно отследить и которая представляет угрозу, как только необходимая и опасная привязанность или любовная связь возникнет одновременно с угрозой возродить к жизни защитное всемогущество эго? Направлена ли зависть на уничтожение неправильного объекта или на уничтожение связи? Свидетельствует ли она о невозможности сепарации?

При перверсии для сохранения захвата необходимо поддерживать связь, чтобы объект мог продолжать удовлетворять эго. Это неудачное формирование вторичного нарциссизма, при котором объект должен быть предоставлен к моим услугам, чтобы я оставался цельным, поскольку ставший частичным объект также является частью меня. Тогда смысл зависти не столько в том, чтобы уничтожить объект или бояться его уничтожить, сколько в том, чтобы удерживать его в фантазме как надежно привязанный и постоянно доступный, чтобы парадоксальным образом отделиться от него (это немного похоже на Стокгольмский синдром, когда жертва привязывается к своему палачу).

Неудовлетворенная, стыдливо подавленная потребность – ведь выставить желание напоказ и получить отказ в нем унижительно, – наполненная бессознательной виной, пробуждается, как только страх потерять жизненный объект, а в фантазме – и саму жизнь, появляется вместе с желанием обладать, присвоить. Речь идет, скорее, об обладании объектом, а не о его уничтожении.

Фрустрация первоначальной жизненной потребности обладать объектом связана с элементами реальности, которые могут быть самыми разнообразными: истощение матери, перверсия, горе, депрессия. Для того, чтобы младенец сформировал достаточно сильное нарциссическое ядро, полезно, чтобы он пробудил в объекте, от которого зависит, абсолютную необходимость удовлетворять эти потребности. Связь абсолютной зависимости должна переживаться как взаимная. Ребенок должен иметь возможность ощутить свою власть над объектом. Мать с самого рождения младенца должна быть неким образом безоговорочно, безусловно доступной, появляться каждый раз, когда её вызывают. Именно повторение этого опыта, например, игра с катушкой или многократные тренировки пилотов космической станции перед выходом в космос, позволяет

усвоить уверенность в собственных навыках создания хорошего объекта, а впоследствии – хорошего аналитика.

Ожидать удовлетворения можно только в том случае, если мы уверены, что оно наступит. Именно эта уверенность и создает достаточно сильное первичное мазохистическое ядро. Это ядро – хранитель жизни, поскольку оно устанавливает и дает силы терпеть неудовлетворение. Первичное мазохистическое ядро развивается также благодаря сенсорной оболочке, сопровождающей ожидание: голос матери, её руки. Чувственная оболочка неким образом разрешает и определяет галлюцинаторный фантазм удовлетворения, благодаря которому постепенно возникает мышление, окрашенное надеждой, а не отчаянием.

Когда объект – грудь или аналитик – оказывается несостоятельным и не может предоставить себя в распоряжение, это ставит младенца, и по аналогии пациента, в состояние долга. Грудь или аналитик, подвергшиеся преследованиям, иссушенные, страдающие (конечно, я немного преувеличиваю, но у меня есть на это причины), порождают элементы вины, ведущие к захвату и чувству долга, препятствуют сепарации.

Сепарационная тревога – это не страх сепарации, а страх невозможности сепарации.

Если ребенок остаётся в долгу (как и анализанд, несмотря на оплату сеанса), то путь к относительной независимости преграждается аффектами стыда – неспособностью соответствовать полученному, виной за опустошение материнской груди, за уничтожение объекта и невозможность его восстановить.

Гнев по отношению к хорошей, кормящей груди – это симптом постепенного осознания зависимости от созданного существующего объекта. Гнев может переходить в захват, если только объект сопротивляется и не дает пользоваться собой. Если мать не справляется со своей ролью, младенец испытывает завистливый гнев, который в конечном итоге обратится против него самого. Плохая грудь в этом смысле – это не столько отсутствующая, но и не состоятельная грудь, которая навязывает свой закон, свою дрессировку. С другой стороны, признание зависимости без отрицания и драматизации приводит к чувству благодарности, благодарности по отношению к хорошей внешней груди, интериоризированной впоследствии в виде хорошей самости. Возникает вопрос о зависимости пациента от своего аналитика, о жестком или о гибком кадре, о рамках, например, концепт Анзье психической Я-кожи, которую аналитик предлагает в качестве поддержки, которую он сам ранее получил во время своего обучения и на протяжении своей практики.

Как эту серьезную ответственность (о чем свидетельствуют «baby blues», т.е. грусть младенцев в течение первых дней после родов) будет нести не только материнская, но и отцовская психика и какова будет роль поддержки окружения молодой роженицы?

Для того, чтобы младенец сформировал достаточно сильное нарциссическое ядро, полезно, чтобы он пробудил в объекте, от которого зависит, абсолютную необходимость удовлетворять эти потребности.

ценит то, что аналитик по доброте душевной ему дает. Долг, который не мог быть погашен в младенческом прошлом, перешёл в терапию вместе с лежащей в его основе тревогой быть брошенным.

В чем причина агрессивности? У нее есть аппетит? Является ли она проекцией? Передается ли она по наследству или является реакцией на недостаточно хорошее раннее окружение? Разные теории в интерпретации концепции зависти стали причиной ожесточенного спора между Мелани Кляйн и Дональдом Винникоттом. Отсутствие благодарности – мы знаем, что Винникотт многим был обязан Мелани Кляйн – непогашенный долг между ними? В любом случае, эти двое в одном космическом модуле не выжили бы. Согласно Винникотту, если ребенок создает грудь, он создает реально существующий объект, а не его имаго, как думает Мелани Кляйн. Ребенок создает кормящую грудь и как бы наполняет ее, а не опустошает – такова идея Винникотта. В реальности поток грудного молока неисчерпаем для ребенка. Чем больше он сосет, тем больше молока. Эта дискуссия принципиальна и глубока, её концептуальные и практические последствия проявляются в аналитической клинике и сегодня.

Является ли первичный объект реальным или вымышленным фантазмом? Имеем ли мы в виду, вслед за Мелани Кляйн, что объект должен выдержать или даже пережить завистливые атаки младенца, движимого влечениями, у которого есть доступ к фантастической вселенной, и чья интенциональность неким образом существовала бы с момента рождения; таким образом вводя в символическое измерение защитные механизмы, которые возникают в его воображении и мобилизуются перед лицом непередаваемого отчаяния начала жизни? Будут ли тогда эти защиты, ставшие атаками, нацелены на расщепленный объект, ошибочно принимаемый за собственное имаго? Атаками на плохой частичный объект, сталкивающийся с проективными фантазиями своего потомства об уничтожении, и на хороший, полезный объект, оправдывающий интроекции, положивший начало формированию мазохистического ядра, достаточно структурированного

Если первичный объект не приносил удовлетворения, должен ли и аналитик оставаться таким? Субъект не чувствует себя достаточно хорошим и достойным, ведь ему так много дают, а он никак не может почувствовать себя лучше, никак не оправдывает ожидания. Как будто он неблагодарный, потому что никак не избавится от своих неврозов, как будто не на высоте и сопротивляется, как будто ненасытен и недостаточно

Когда объект – грудь или аналитик – оказывается несостоятельным и не может предоставить себя в распоряжение, это ставит младенца, и по аналогии пациента, в состояние долга.

для того, чтобы ощущения неудовольствия, такие как ожидание удовлетворения, становились переносимыми и могли смягчаться за счет смешения ощущений удовольствий, доставляемых удовлетворением потребностей. В этом споре ключевой момент – место аналитика, его кадр и рамки. Что преобладает – фантазм или реальность?

Мелани Кляйн и Лакан предлагают гипотезу, что настоящий психоанализ может быть построен именно на основе фантазма. Для Фрейда, Ференци и Абрахама символ смешивает идеи разного порядка, он выражает себя как сновидение под эгидой первичных процессов, считается регрессивным, подчиняется принципу удовольствия и реагирует на вытеснение. Для Фрейда существует фундаментальная преемственность между биологическим и психическим, между нервным стимулом и химическим веществом, мыслью и эмоцией. Последние достижения нейронаук поддерживают эти предположения Фрейда. Смена эпистемологического курса от Фрейда к Кляйн радикальна с точки

Смысл зависти не столько в том, чтобы уничтожить объект или бояться его уничтожить, сколько в том, чтобы удерживать его в фантазме как надежно привязанный и постоянно доступный, чтобы парадоксальным образом отделиться от него (это немного похоже на Стокгольмский синдром, когда жертва привязывается к своему палачу).

зрения описания психического и реляционного мира младенца, особенно его восприятия первичного объекта.

Фрейд считает, что объект противостоит фантазму. По мнению Фрейда, судьбы объекта и фантазма расходятся: либидо смещается либо на реальный объект с нормальной судьбой, либо на фантазм с невротической судьбой, либо на Я с психотической судьбой. По Фрейду, объект влечения – это не что иное, как человек, на которого влечение направлено. Фрейдистский объект находится не в психике, но за пределами психики, он может быть частью собственного тела, но никогда не является ментальной репрезентацией. Он противостоит символическому объекту у Кляйн. Поэтому опасность, угрожающая ребенку, объясняется не внутренними влечениями, а объективным характером самого объекта.

Для последователей Кляйн объект, который сам стал частичным, больше не может удовлетворить влечение, он стал психическим представителем влечения. Объект стал фантазматическим, фантазмом о чем-то, что приносит пользу или вред. Фантазм занял место объекта, и он больше не связан с фрейдистским объектом. Вся конструкция Кляйн основана на этой гипотезе, которая имеет серьезные последствия при концептуализации анализа детей.

В 1927 году Мелани Кляйн писала: «Анализ очень маленьких детей показал, что даже у трехлетнего ребенка большая часть развития его Эдипова комплекса уже позади. В результате он уже находится довольно далеко от объекта, который изначально желал.

Его отношения с ним претерпели такие искажения и трансформацию, что его нынешние объекты любви теперь воспринимаются как имаго первоначальных объектов». На что Анна Фрейд при поддержке своего отца возражает: «Ребенок не готов, как взрослый, начать новую главу своих любовных отношений, потому что, можно сказать, старые еще не исчерпаны. Первые объекты привязанности – его родители – все еще существуют для него как объекты любви в реальности, а не как у взрослого невротика – только в воображении». А в письме от 6 июля 1928 года по поводу разногласий между его дочерью и Мелани Кляйн Фрейд пишет: «Я хотел бы возразить госпоже Кляйн по одному вопросу. Она считает детское Сверх-Я таким же независимым, как и у взрослых, в то время, как мне кажется, что Анна права, утверждая, что детское Сверх-Я все еще находится под непосредственным влиянием родителей». Фрейд не может согласиться с тем, что разница сексуальной жизни ребенка и взрослого сокращается и может совсем исчезнуть. По его мнению, именно родители запрещают инцест, и воспитательный характер детского анализа остается неоспоримой целью терапии детей.

В своей статье 1952 года «Критика концепции зависти Мелани Кляйн» Дональд Винникотт подчеркивает, что слово «зависть» не может использоваться при описании раннего детства. Он также утверждает, что идея врожденной агрессивности вредит теории Мелани Кляйн.

Сепарационная тревога – это не страх сепарации, а страх невозможности сепарации.

Что в аналитике вызывает зависть пациентов? Его способность проделать хорошую аналитическую работу, дать им то, зачем они пришли? То есть они чувствуют себя в долгу перед доброй символической грудью? Или перед качеством работы аналитика? Или это – способность предоставить себя в распоряжение

пациента, чтобы он смог создать хороший объект, точно так же, как мать с раннего детства, предоставляя себя младенцу, поддерживает в нем иллюзию всемогущества?

В раннем возрасте мать является субъектным элементом, её поведение является неотъемлемой частью младенца. В этом смысле проявления младенца, которые мать интроецирует, чтобы затем обогатить их своим либидо, с самого начала не являются проекцией, в том смысле, что это не запрос младенца как таковой, а выражение его влечения, потребности. Тогда и только тогда, когда мать переводит эти переживания в запрос, то есть тогда и только тогда, когда она пытается понять, о какой именно потребности идет речь, тогда и только тогда, когда она пытается перевести, осмыслить эти переживания, диалог проекция-интроекция может быть установлен. Но если педиатр или свекровь уже рассказали ей о потребностях новорожденного и она чувствует себя обязанной сделать им приятное и последовать их советам, она принесет своего младенца в дар. Слишком многие женщины не чувствуют себя вправе владеть своими детьми.

Проекции ребенка, которые трудно перевести и трансформировать, на самом деле являются выражением отчаяния и гибели, которые сродни форме экзистенциальной тревоги. Сны, в которых мы чувствуем себя беспомощными, хотим позвать на помощь,

Долг, который не мог быть погашен в младенческом прошлом, перешёл в терапию вместе с лежащей в его основе тревогой быть брошенным.

но из наших уст не выходит ни звука, иллюстрируют это архаичное состояние отчаяния. Когда младенец кричит в изнеможении, чувствует ли он себя безмолвным, безголосым из-за того, что его не слышат, то есть брошенным, лишенным ресурсов и предоставленным самому себе? Например, когда речь идет о строгом соблюдении режима, как требует педиатр. Если

у ребенка нет интенциональности, его моторное или соматическое выражение не является ничем иным, как выражением эмоционального состояния, предназначенного для интерпретации. Здесь мы говорим «эмоционального», можно сказать «состояние ощущений». Выражение потребности становится проективным тогда и только тогда, когда у этой потребности есть адресат. Достаточно хорошая и достаточно плохая мать может ответить на этот вопрос тогда и только тогда, когда сможет перевести его и приспособиться, приведя себя в особое состояние нормальной болезни – первичную материнскую озабоченность, описанную Винникоттом.

Столкнувшись с неизвестным, человеческий мозг исходит из предположений и исключений. Мозг занимается математикой, вычислением. Именно это и делает мать. Может быть, он голоден или хочет спать, или у него что-то болит, или он замерз? Можно сказать, что именно интерпретация матери позволяет сформироваться языку ребенка. Напрашивается параллель с терапией. Достаточно хороший и достаточно плохой аналитик задается вопросом: как понять переживания своего пациента? Аналитик не всемогущий, он не знает априори всего, следовательно, не позволит себе интерпретировать до тех пор, пока сам субъект не будет готов создать, найти уже существующую интерпретацию.

Психические или соматические выражения сами по себе не имеют смысла, они лишь свидетельствуют о психосоматической деятельности, которая сталкивается с неизбежным непониманием, ибо такова человеческая природа, которая заставляет работать мысль и творчество. Язык – это обучение, и одной любви недостаточно, чтобы интерпретировать эмоции любимого. Язык даже иногда становится препятствием и не дает показать самые затаенные чувства, потому что они могут быть очень жестокими. И, если архаичная динамика осталась слишком активной, зависть возникнет снова, чтобы поглотить, уничтожить любимый объект, воспринимаемый как часть самого себя, которая была ампутирована и которую необходимо любой ценой восстановить, чтобы остановить

Что в аналитике вызывает зависть пациентов? Его способность проделать хорошую аналитическую работу, дать им то, зачем они пришли? То есть они чувствуют себя в долгу перед доброй символической грудью? Или перед качеством работы аналитика?

По мнению Фрейда, судьбы
объекта и фантазма расходятся.

что в раннем возрасте у этих переживаний нет адресата, тогда разумно подождать пока осмысление ощущений произойдет на понятном языке, которым можно поделиться. Проработка придает смысл пережитым и затем подавленным ощущениям, чтобы направить человека к его собственной интерпретации. Анализ переноса основан на той же логике. То, что чувствует аналитик, лишь частично отражает то, что чувствует пациент. Психические или соматические выражения, т.е. симптомы, как и сновидения, должны быть переведены совместно с ним в диалог, начатый аналитиком на основе интроекции чувств страха и тревоги, чтобы сделать возможной попытку совместной проработки, осмысления, вербализации выражения, которая превращается в мысль, поскольку у фантазма появился адресат для проекции.

Выражение отчаяния имеет атакующий характер, но оно является частью нашего общего генетического наследия, нашего общего человеческого опыта, и поэтому его можно воспринимать как атаку или агрессию, интерпретировать как форму неблагодарности. Я полагаю, что все мы прошли через этот опыт.

Если грудь в фантазме осталась всемогущей, независимо от того, была ли она интериоризирована как полностью удовлетворяющая или как отсутствующая, создаются помехи для интегративного движения Я и объекта, которое бы позволило расщеплению раннего детства постепенно сменяться амбивалентностью. Эта грудь остается идеализированной, жертвенной. В этом случае грудь либо истощает себя, опустошается ради потомства, либо отступает, отдаляется, чтобы избежать разрушения, которое потомство произведет своей жадностью. Эта священная грудь вызывает чувство долга, долга жизни. Ее священная природа разработана на основе сценария искренней или извращенной ментальной конструкции, приписывающей жертвоприношение нуждам ненасытного или неблагодарного ребенка, как будто он просит что-то чрезмерное или вообще невозможное. Как будто он неблагодарен за этот чудесный дар жизни, который ему вручили. И если жизненный долг перевешивает благодарность, путь от абсолютной зависимости к относительной независимости становится хаотичным. Страх сепарации усиливается, как натянутая резинка или катушка, которая больше не подчиняется командам ребенка, и игра становится повторением по мере того, как крепнет захват объекта вследствие долга, который он налагает.

Точно так же и в терапии, если идеализация и расщепление затягиваются, сепарация становится невозможной, а долг – бесконечным. Долг жизни одерживает верх над благодарностью, и страх невозможности сепарации усиливается.

«кровотечение», которое затрагивает психический прогноз человека.

Переживания матери, как и переживания аналитика, не обязательно свидетельствуют о переживаниях младенца или пациента. Если мы согласны с тем,

Выражение потребности
становится проективным тогда
и только тогда, когда у этой
потребности есть адресат.

Разве цель любого лечения не в том, чтобы в конечном итоге освободиться от этого долга? Для этого аналитик, как и родитель, не должен быть ни слишком всеведущим, ни слишком умным.

Отметим в заключение, что, если желание удовлетворения не может быть удовлетворено, возникает чувство некомпетентности, и надежда на создание хороших объектов уступает место закону Мерфи. Формулировка закона Мерфи приписывается американскому аэрокосмическому инженеру Эдварду Мерфи Младшему: «Если есть вероятность, что что-то пойдет не так, то оно пойдет не так. Все, что может пойти не так, пойдет не так». Или: «Если есть два способа что-то сделать, и если хотя бы один из этих способов может привести к катастрофе, обязательно найдется кто-то, кто пойдет по этому пути». Или: «Когда бутерброд с маслом падает со стола, он всегда приземляется маслом вниз».

Для нас, несовершенных аналитиков, достаточно хороших и достаточно плохих, без садизма, без захвата власти, находящихся в распоряжении наших пациентов во время сеанса, без жертвоприношений, которые неизбежно были бы им вменены, есть надежда вместе прийти к установлению взаимовыгодной связи. К нам, находящимся в безопасности в нашем международном космическом модуле и не обращающим внимания на сырую непроработанную турбулентность человеческих влечений, закон Мерфи неприменим.

Я хочу процитировать Винникотта: «Когда аналитик/ мать выполняет свою работу достаточно хорошо, обеспечивает достаточно хороший уход за пациентом/младенцем, происходит ли это на основе проекции на аналитика/мать удовлетворяющих внутренних факторов пациента/ ребенка? – на мой взгляд, ответ утвердительный. И если это не становится так благодаря аналитику/ матери, то хороший анализ/ хорошая грудь, по сути, становится преследующим объектом для пациента/младенца. Аналитик следит за процессом пациента и интерпретирует только то, что уже было представлено пациентом для интерпретации. Создает ли мать младенца или младенец создает мать? В “Метапсихологии психоанализа” я утверждаю, что маленький ребенок создает грудь, мать и мир».

Надежда ведет нас не вслепую, и не к каким-то волшебным решениям, а с полным осознанием трудностей, с которыми мы сталкиваемся. Мы собрались и работаем вместе, чтобы благодаря нашему желанию поддерживать связь, благодаря взаимной доброй воле и творческому разуму остановить падение бутерброда на намазанную маслом сторону. И я убеждена, что у нас это получится. И слава тем, кто позволил нашим космонавтам и астронавтам создать матрицу, несущую надежду, и тем из нас, кто позволил нашим анализандам создать достаточно хороших аналитиков.

Закон Мерфи: «Если есть вероятность, что что-то пойдет не так, то оно пойдет не так. Все, что может пойти не так, пойдет не так».
